

Социологический анализ социального здоровья студенческой молодежи Юга России в рамках теории структурной маргинальности

Н.Х. Гафиатулина

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация: В данной статье социальное здоровье студенческой молодежи как социальное явление рассматривается в контексте теории структурной маргинальности. Автор описывает и обосновывает состояние маргинального статуса студенческой молодежи Юга России. Социальное здоровье студенческой молодежи Юга России является отражением степени ее маргинального положения в обществе.

Ключевые слова: социальное здоровье, российская студенческая молодежь, структурная маргинальность, статус, социальная ценность, удовлетворенность жизнью, Юг России.

Социальная российская действительность пока дает ученым из различных областей научного знания все больше оснований и поводов для обращения к проблемным социальным группам. Нынешние маргинальные группы в российском обществе сконструированы общественными изменениями, наблюдающимися более двух последних десятилетий. Современные ученые актуализируют проблематику студенческой молодежи как особой маргинальной группы, рассматривая ее в контексте процессов маргинализации в России, и тем самым подчеркивая переходность, неустойчивость, промежуточность социального статуса этой группы.

Наше исследовательское внимание к изучению проблемы социального здоровья российской студенческой молодежи в рамках теории структурной маргинальности определяется: во-первых, ее особенной ролью в общественном воспроизводстве как специфичной и крайне противоречивой социально-демографической группы; во-вторых, переходностью ее социального статуса; в-третьих, с изменениями, происходящими в российском обществе и затрагивающими молодежь, а также отражающимися на ее социальном здоровье и благополучии в целом.

В работах В.Т. Лисовского, Г.Е. Зборовского, В.А. Лукова, В.Т. Шапко, В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок и других ученых проведен анализ социального облика студенческой молодежи как особой группы транзитивного типа, имеющей большую долю риска стать маргинальной группой.

Однако прежде чем рассуждать о маргинальном статусе российской молодежи в социуме, необходимо разобраться в особенностях ее социального здоровья в повседневной реальности.

Вопросы изучения проблемы социального здоровья молодежи содержатся в трудах российских социологов (А.С. Москвич, И.В. Зузуля, О.Е. Ноянзиной, Е.В. Курашкиной, Л.В. Булыгиной, Е.В. Цикалюк). Так, например, в диссертационном исследовании А.С. Москвич, социальное здоровье молодежи рассматривается как категория, которая характеризует состояние жизнеспособности общества как социального организма. Это состояние отражает реалии общества [1].

В концепции Э. Фромма здоровье личности в целом зависит, в первую очередь, не от самого индивида, а от структуры данного общества, которое оказывает как развивающее, так и деформирующее влияние на человека [2].

Особый интерес для нас представляет рассмотрение социального здоровья студенческой молодежи Юга России, который является одним из наиболее сложных регионов, в котором присутствуют неоднородность социально-экономического пространства, полиэтничный состав, активные миграционные процессы, повышенный фон социально-политической конфликтности среди молодых людей, проявления экстремизма, аномийных (аддиктивных) форм поведения, а также наличие комплекса проблем, связанных с маргинальным (пограничным положением) современной студенческой молодежи.

Индивидуально-личностная и общественная ценность социального здоровья студенческой молодежи состоит в том, что во-первых, оно являет

собой интегрирующий показатель социального статуса и положения молодежи в обществе; во-вторых, оно выступает социально-психологическим инструментом регулирования поведенческих стратегий, обладая при этом как интегрирующим, так и сдерживающим потенциалом.

Социальное здоровье студенческой молодежи становится, с одной стороны, важнейшим показателем степени включенности молодежи в общество, с другой – определяющим фактором отношения общества к студенчеству.

Согласно мнению Т.Ф. Масловой, позитивные результаты социального здоровья студенческой молодежи анализируются в плоскости представлений о положительных переживаниях, детерминируемые удовлетворенностью различными аспектами жизни, в том числе уровнем доходов, учебой, семьей, общим состоянием физического здоровья. Именно такой баланс дает нам основание характеризовать социально-психологический показатель степени интегрированности личности молодого человека в общество. Как показатель общественной интеграции социальное здоровье характеризуется превалированием так называемого внешнего локус контроля, при котором молодежь видит источник собственных переживаний и своего самоощущения в социальном окружении, и взаимозависимостью с процессом социокультурной интеграции [3]. Степень успешности прохождения процесса социальной интеграции оказывает, с одной стороны, решающее влияние на состояние социального здоровья, а также указывает на наличие и степень маргинализации, а с другой, – степень маргинализации детерминирует процесс социокультурной интеграции и отражается на социальном здоровье российской молодежи.

Социальное здоровье, согласно Е.В. Дмитриевой, осветившей теоретико-методологические основания социологии здоровья, никоим образом не следует сводить к клиническим проявлениям организма, оно

является обобщенной характеристикой удовлетворенности или неудовлетворенности молодого человека своим положением в обществе [4], и, тем самым является отражением степени ее маргинального положения.

В чем же специфика теории структурной маргинальности применительно к социологическому анализу социального здоровья студенческой молодежи? Для ответа на данный вопрос обратимся к концепции структурной маргинальности.

Концептуальные основы теории структурной маргинальности сформулированы американскими социологами Р. Парком и Е. Стоунквистом. Отметим, что у Р. Парка понятие маргинальности (от лат. *margo* – граница, край, предел) обозначало положение индивидуумов, пребывающих на границе двух различных противоборствующих между собой культур, и предназначалось для изучения последствий неадаптированности мигрантов [5]. Е. Стоунквист определяет маргинального индивида в терминах личности или группы (например, группы студенческой молодежи), которые переходят из одной социокультурной среды в другую (к примеру, переходное положение молодежи из статуса студента в статус рабочего, служащего и т.д.) [6]. Здесь, согласно определению степени маргинальности некоторых социальных групп (и студенческой молодежи, как специфичной по ряду признаков социальной группы в особенности) В. Манчини вводит категории сущностной и процессуальной маргинальности, которые позволяют определить генезис маргинальности тех или иных индивидов и социальных групп. Они различаются степенью статичности или динамичности маргинальной позиции, которую занимает конкретный индивидуум или группа. Так, сущностная маргинальность сопряжена со статусом в структуре, когда группа становится маргинальной «по определению», процессуальная же маргинальность основывается на мобильности, когда группа (в нашем случае группа студенческой молодежи) перемещается из одной позиции в

другую [7]. По нашему мнению, второй вид маргинальности имеет прямое отношение к группе студенческой молодежи, поскольку обобщает в себе признаки социально-ролевой маргинальности. Исходя из концепции Стоунквиста, можем утверждать, что молодежь находится в некотором балансировании между двумя мирами, один из которых преобладает над другим. Ученый применяет определенный перечень характеристик, напрямую, на наш взгляд, отражающий степень влияния маргинального положения на социальное здоровье студенческой молодежи: дезорганизованность, ощущение неприспособленности, алармизм, внутреннее напряжение, изолированность, отчужденность, разочарованность, эгоцентричность, социальная агрессивность и др. [7].

Как отмечает в своей диссертационной работе, посвященной проблеме маргинализации российского студенчества Е.Н. Зарубин, маргинализация молодежи имеет структурный характер и определяется вытеснением студенческой молодежи на периферию общества, утратой ясных социальных перспектив. Так, автор указывает, что студенческая молодежь отрицательно оценивает собственные жизненные перспективы, а каждый третий придерживается внешней или внутренней маргинализации. Структурная маргинализация студенческой молодежи выражается в понимании неравенства стартовых возможностей [8], а значит, и неравенства ресурсов социального здоровья. Отсюда возникает предрасположенность к социальной эксклюзии, а следовательно, и к формированию низкого уровня социального здоровья данной социально-демографической группы.

Развивая теорию маргинальности, Е. Хьюз обратил внимание на значимость переходных фаз, которые переводят молодых людей от одного образа жизни к другому [9] (жизнь в вузе – переходный этап в подготовке к более взрослой жизни). Хьюз расширил концепцию, включив фактически всякую ситуацию, в которой индивид хотя бы частично идентифицируется с

двумя референтными группами либо статусами, но при этом нигде полностью не принимается (и это напрямую относится к студенческой молодежи Юга России). В таком расширенном формате феномен маргинальности студенческой молодежи появляется, когда она функционирует в жизнедеятельности такого гетерогенного, полиэтничного, избыливающего конфликтогенными явлениями и экстремистскими настроениями, неоднородного по социально-экономическим, историческим геополитическим показателям пространства, как Юг России [10, 11].

Структурная маргинальность в среде молодежи Юга России более низкого класса порождает антисоциальную, экстремистскую, порой даже преступную субкультуру, которая обеспечивает ее носителей значимыми ролями. Однако данные роли не способствуют выходу в официальное общество, а их реализаторы преследуются посредством социального контроля. Наиболее серьезно структурной маргинальности подвержена студенческая молодежь, принадлежащая к национальным меньшинствам Юга России. И если она в довершении к этому принадлежит к низшим стратам общества, то проблем с ее социальным здоровьем еще больше, так как уменьшающийся спрос на неквалифицированную рабочую силу осложнен дискриминацией.

Согласно социологическим исследованиям, проведенным российскими учеными под руководством М.К. Горшкова, с одной стороны, определяется наличие достаточно высокого уровня социальной напряженности и высокой степени маргинализации молодежи в регионе, с другой – потенциальная возможность достижения и обеспечения национального мира на Юге России посредством разрешения наиболее острых проблем, в том числе повышения качества жизни в регионе, снижения уровня напряженности, формирования и укрепления социального капитала региона [12].

Так, по результатам опроса молодежи 18-24 лет в 2011г., проведенного в Дагестане, Краснодарском крае, Карачаево-Черкессии и Ставропольском крае, молодежь, высказывая свое мнение о ее настоящем социальном положении, весьма часто отмечает, что ее беспокоят многие актуальные социальные «проблемы, решение которых вызывает большие затруднения» и отражается на состоянии здоровья в целом. В частности, молодежь Дагестана дает такой ответ в 42,7% случаев, Краснодарского края – в 45,2%, Ставропольского края – в 36,1%, а Карачаево-Черкессии – вообще в 53,8% случаев [12]. А по результатам эмпирических исследований 2014г. среди студенческой молодежи Южного федерального университета, обнаружено, что к факторам, снижающим уровень эмоционального состояния, студенческая молодежь относит: здоровье и современную политику, семейные проблемы, окружающую общественную среду [13]. Согласно социологическим опросам, проблемами, беспокоящими современную студенческую молодежь в повседневной жизни, являются: здоровье близких людей (51,9%), собственное будущее и положение в обществе (43,1%), собственный уровень доходов (37,8%), собственная учеба и работа, карьера (39,4%). Это ли не является свидетельством отражения на социальном здоровье состояния нестабильности, транзитивности (в нашем случае возрастание маргинальности) [14] молодежи Юга России?

Таким образом, структурная маргинальность студенческой молодежи Юга России может быть определена нами как ситуация, имеющая отношение к положению молодых людей, для которых институцированные роли находятся в недостижимости, и как следствие, такие люди страдают от дефицита социальной ценности, что, в свою очередь, отражается на состоянии ее социального здоровья.

Стоит подчеркнуть, что до тех пор, пока новые формы общественного регулирования не обеспечат институцированные роли для студенческой

молодежи, структурная маргинальность и неблагоприятное социальное здоровье молодых людей, особенно таких сложных регионов, как Юг России, абсолютно неизбежна. Необходимо, в первую очередь, признать наличие проблемы структурной маргинальности студенческой молодежи и степени ее значимости для жизни всего российского социума, а в дальнейшем планирование и проведение широкомасштабной молодежной социальной политики.

Литература

1. Москвич А.С. Социальное здоровье молодежи как фактор социально-экономического развития региона (на примере Хабаровского края): автореф. дис. ... канд. социол. н. Хабаровск, 2008. С. 9.
2. Фромм Э. Здоровое общество. URL: freck.pp.ru/hamlib/EFromm-TheSaneSociety.html.
3. Маслова Т.Ф. Социальное самочувствие как показатель социокультурной интеграции. Социальное самочувствие населения в современной России. Ростов н/Д, 2010. С. 131-134.
4. Дмитриева Е.В. Социология здоровья: методологические подходы и коммуникационные программы. М., 2002. С. 102.
5. Park R.E. Human migration and the marginal man // American Journal of Sociology. Chicago, 1928. Vol. 33. №6. pp. 881-893.
6. Stonequist E.V. The marginal Man. A study in personality and culture conflict. New York: Russel and Russel, 1961. P. 221.
7. Manchini B.J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday // Intern. rev. of mod. Sociology. New Delhi, 1988. Vol. 18. №2. pp. 189-190.
8. Зарубин Е.Н. Маргинализация российского студенчества (структурный аспект): автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Новочеркасск, 2004. С. 3.

9. Hughes E.C. Social change and status protest: An essay on the marginal man // Phylon-Atlanta, 1945. Vol. 10, №1. pp. 59-65.

10. Свечкарев В.П. Технологии проактивного противодействия экстремизму // Инженерный вестник Дона, 2014, №4 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2606.

11. Мощенко И.Н., Иванова И.М. Основные социальные сферы концентрации конфликтного потенциала на Юге России // Инженерный вестник Дона, 2014, №4 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2614.

12. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект. Под ред. М.К. Горшкова. М., СПб., 2011. С. 77.

13. Сажина Л.В. Социологический анализ факторов, моделирующих физические и эмоциональные аспекты здоровья современной студенческой молодежи Южного Федерального университета // Инженерный вестник Дона, 2014, №3 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2538.

14. Гафиатулина Н.Х. Здоровьесберегающие модели профессиональной социализации студенческой молодежи в условиях социальной неопределенности // Инженерный вестник Дона, 2013, №3 URL: ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824.

References

1. Moskvich A. S. Social'noe zdorov'e molodezdi kak factor social'no-economiccheslogo razvitiya regiona (na primere Habarovskogo kraja) [Social health of young people as a factor of socio-economic development of the region (on the example of the Khabarovsk Krai)]: author. dis. ...candles. of sociology. sciences. Khabarovsk, 2008. P. 9.

2. Fromm E. Zdorovoe obschestvo [Healthy society]. URL: freck.pp.ru/hamlib/EFromm-TheSaneSociety.html.

3. Maslova T.F. Social'noe samochuvstvie kak pokazatel sociokulturnoj integracii [Social well-being as indicator social cultural integration]. The well-being of population in the modern Russia. Rostov-on-Don, 2010. pp. 131-134.

4. Dmitrieva E. C. Sociologiya zdorov'ya: metodologicheskie podchodi I kommunikacionniye programmi [Sociology of health: methodological approaches and communication program]. M., 2002. P. 102.

5. Park R.E. Human migration and the marginal man. American Journal of Sociology. Chicago, 1928. Vol. 33. №6. pp. 881-893.

6. Stonequist E.V. The marginal Man. A study in personality and culture conflict. New Jork: Russel and Russel, 1961. P. 221.

7. Manchini B.J. No owner of soil: The concept of marginality revisited on its sixtieth birthday. Intern. rev. of mod. Sociology. New Delhi, 1988. Vol. 18. №2. pp. 189-190.

8. Zarubin E. N. Marginalizatsiya rossijskogo studenchestva (strukturnij aspekt) [The marginalization of Russian students (structural aspect)]: author. diss. ... candles. of sociology sciences. Novocherkassk, 2004. P. 3.

9. Hughes E.C. Social change and status protest: An assay on the marginal man // Phylon-Atlanta, 1945. Vol. 10, №1. pp. 59-65.

10. Svehkarev V.P. Inženernyj vestnik Dona (Rus). 2010. №2. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2606.

11. Moshchenko I.N., Ivanova I.M. Inženernyj vestnik Dona (Rus). 2010. №2 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2014/2614.

12. Social'noe samochuvstvie naseleniya v usloviyach refofm: regional'nij aspekt [Social well-being of the population in the conditions of reforms: regional aspect]. Under edition M.K. Gorshkov. M., SPb., 2011. P. 77.

13. Sazhina L.V. Inženernyj vestnik Dona (Rus). 2014, №3 URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2014/2538.

14. Gafiatulina N.K. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus). 2013, №3 URL:
ivdon.ru/magazine/archive/n3y2013/1824.